

НЕ ОХИПЬВЪ СДИНОМЪ
БЪДЕТЪ ЖИВЪ
ЧЕЛОВѢКЪ

КОМУ ЦЕРКОВЬ НЕ
МАТЬ ТОМУ
БОГЪ НЕ ОТЕЦЪ



ЦЕРКОВНОЕ СЛОВО

ИЗДАНИЕ

БРАТСТВА ВСЕМИЛОСТИВАГО

СВЯТЫХЪ ЖЕНЩИЦЪ
ВОЛОДСКАГО ЧЛДСТВА

← СПАСА →

СВЯТЫХЪ СТЕФАНА
И ПЛАТОНА ПЕРМСКОГО

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 134

(ЮНЬ).

1909.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦИИ

Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей

и въ канцеляріи

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ. Выписки изъ свято-отеческихъ наставленій о молитвѣ.—Подвигъ служенія пастырскаго. (Изъ замѣтокъ мірянина). Н. К.—Звѣзды пустыни. Повѣсть записанная Преподобнымъ Пафнутіемъ, египетскимъ пустынно-комъ.—Невѣроятное для многихъ, но истинное происшествіе.

Прилагается въ Вслог. Епарх. Вѣдомостямъ БЕЗПЛАТНО.

ВЫПИСКИ ИЗЪ СВЯТО-ОТЕЧЕСКИХЪ НАСТАВЛЕНІЙ О МОЛИТВѢ.

1.) режде всего молись о полученіи слезъ, чтобы плачемъ умягчить сущую въ душѣ жестокость и исповѣдавъ на себя беззаконіе Господеву (пс. 31, 5), получить отъ Него оставленіе грѣховъ.

2.) Употребляя слезы, какъ орудіе къ полученію всякаго прошенія; ибо очень радуется о тебѣ Владыка, когда ты молишься со слезами.

3.) Когда во время молитвы своей изливаешь потоки слезъ, отнюдь не возносись тѣмъ самъ въ себѣ, какъ будто ты лучше другихъ. Это помощь свыше пріяла молитва твоя, чтобы ты усердно исповѣдавъ грѣхи свои, слезами умилостивилъ Владыку.

4.) Не обращай же въ страсть средства противъ страстей, чтобы еще болѣе не прогнѣвать Даровавшаго тебѣ благодать сію (т. е. слезы). Многіе, проливая слезы о грѣхахъ, забывали цѣль слезъ и возгордившись совратились съ праваго пути.

5.) Что ни сдѣлаешь ты въ отмщеніе брату онеправдовавшему тебя, все то въ соблазнъ будетъ тебѣ (смущать будетъ тебя) во время молитвы.

6.) Молитва есть изъявленіе радости и благодаренія.

7.) Молитва есть врачество печали и унынія.

8.) Если, какую бы ни пришлось тебѣ терпѣть прискорность, будешь терпѣливъ, то плодъ сего обрѣтешь во время молитвы.

9.) Если ты терпѣливъ, то всегда будешь молиться съ радостію.

Подвигъ служенія пастырскаго.

(Изъ замѣтокъ мірянина).

Умилился я высотой и достоинствомъ служенія пастыря Христова стада, а вмѣстѣ и близостію его къ Богу.

Его труды, его заботы всецѣло обращены на пользу духовно-правственную; онъ проповѣдникъ покаянія, учитель и возвѣститель истинъ вѣры, наставникъ въ добрѣ и любви, предста-

тель и молитвенникъ предъ Богомъ, служитель и совершитель Святыхъ Таинствъ спасенія нашего; преподаватель мира Христова—благословенія Божія, носитель духа Христова и ходатай къ Богу за грѣшныхъ людей.

Предъ нимъ кающіеся хрістіане открываютъ свои тайны душевныя, обнаруживаютъ болѣзни и язвы сердечныя, осуждаютъ предъ лицомъ его худые свои поступки и неправые дѣла, изобличаютъ злыя помышленія, скверныя и порочныя чувства и чрезъ него получаютъ прошеніе, разрѣшеніе, очищеніе и примиреніе съ Богомъ.

Сколько добрый пастырь имѣеть случаевъ къ смиренно-мудрїю, къ покаянію, къ умиленію, къ благодаренію Бога,—когда видитъ раскаяніе искреннее, сокрушеніе глубокое и исправленіе въ жизни доброе!

Сколько имѣеть отрадныхъ побужденій къ самоотверженію, къ дѣятельной любви, къ ревности о славѣ Божіей,—когда видитъ любовь и уваженіе къ себѣ со стороны пасомыхъ, когда испытываетъ утѣшенія благодатныя въ своемъ сердцѣ, когда ощущаетъ помощь Божію въ дѣлахъ, совершаемыхъ во славу Божію, и когда зреть благіе плоды трудовъ своихъ!

Какія умиленныя чувства могутъ возникать въ сердцѣ Іерея Божія, когда онъ предстоить престолу Божію,—приноситъ безкровную жертву Богу за грѣхи людей и священнодѣйствуетъ Пречистое Тѣло и Честную Кровь Христа Бога! Какую радость духовную испытываетъ онъ, когда прїобщаетъ вѣрующихъ Святыхъ Христовыхъ Тайнъ, когда соединяетъ съ Богомъ, когда возрождаетъ духовно къ новой жизни!

Велико и достолюбезно это служеніе!

Но насколько оно почтенно и возвеличено предъ человѣками, настолько отвѣтственно и страшно предъ Богомъ. И есть надъ чѣмъ глубоко призадуматься всякому.

Когда приходитъ на исповѣданіе грѣховъ человѣкъ опутанный грѣховными страстями, связанный пристрастіями сердечными, проводящій противозаконную жизнь, пользующійся же въ обществѣ богатствомъ и славою; а между тѣмъ не приноситъ искренняго покаянія, не осуждаетъ вполнѣ своей порочной жизни, не даетъ обѣщанія положить конецъ такой жизни и расторгнуть узы грѣха,—тогда великое представляется искушеніе пастырю, великое бореніе съ самимъ собою. Затворить ли предъ нимъ утробы щедротъ Отца Небеснаго и изгнать его изъ дома Божія? Употребить ли въ дѣло мечъ духовный и отсѣчь его отъ Лозы Жизни, впредь до рѣшительнаго исправленія? Но смущеніе объемлетъ сердце: онъ не окончательно отвергся Христа, не до конца угасилъ свѣточъ вѣры, не совсѣмъ еще омрачилъ дунутью грѣховною, хотя и плѣвилъ его врагъ душегубитель въ

свой тяжкій плѣнъ! Онъ сознаетъ свой грѣхъ, кается въ немъ, осуждаетъ себя, но отстать отъ него не въ силахъ! И его душа, плѣненная діаволомъ, чаесть Христова утѣшенія, вождельвуетъ благъ спасенія нашего! Отгоняю ли его отъ своего стада, какъ пса непотребнаго; изблечу ли его злыя дѣла, какъ грѣшника отъявленнаго? Но этимъ самымъ нанесу тяжкій ударъ душѣ его и совѣмъ угашу въ немъ добрыя свѣточн вѣры и благіе проблески надежды и спасенія хрістіанскаго! И отыдетъ онъ на страну далече, отчуждится въ конецъ Матери Церкви, лишится благоволенія Божія, возненавидитъ меня грѣшнаго пастыря за это, и врагъ сотворится спасенію своему...

Взять ли тягость грѣховъ его на свою совѣсть и произнести прошеніе и разрѣшеніе? Но страхъ нападаетъ на душу: онъ не имѣетъ искренняго раскаянія, не полагаетъ благого начала исправленія, не даетъ обѣщанія положить конецъ грѣховной жизни! Какъ бы, чрезъ скорое прошеніе и разрѣшеніе, не сдѣлать его болѣе нерадящимъ о своемъ спасеніи, не подать и другимъ чрезъ это соблазна и повода къ осужденію пастыря за такое легкое отношеніе къ явнымъ преступленіямъ закона Христова, когда и совѣсть и долгъ Пастыря побуждаютъ быть въ такихъ случаяхъ твердымъ, строгимъ и неупрекклоннымъ къ помилованію? Какъ бы не обратить благодн и милосердія Божія въ поблажку грѣху, въ уничтоженіе предъ недостойными человѣками и въ осужденіе души своей? Какъ бы не возрасли чрезъ это тернія и волчцы на нивѣ Божіей и не стали причинять впослѣдствіи печалей и воздыханія дѣлателью? Или, не взирая ни на тяжесть его согрѣшеній, ни на неискренность и неполность раскаянія, отворить предъ нимъ двери покаянія, принять его яко единаго отъ наемниковъ домовладыки и излнать елей милосердія Божія на главу его? Но какъ омыю въ неповинныхъ руцѣ мои, обыду жертвенникъ Божій и съ дерзновеніемъ приступлю къ престолу благодати, когда сердце у меня будетъ смущено и совѣсть не чиста предъ Богомъ въ этомъ дѣлѣ! Какъ пріющу Хлѣба небснаго и Чаши Жизни человѣка умерщвленнаго грѣхами, уснувшаго сномъ смертнымъ? Какъ введу чистаго, кроткаго и любвеобильнаго Христа въ домъ, исполненный беззаконія, смрада грѣховнаго, разстройства,—гдѣ не оказано будетъ Вождельвному Гостю любезнаго пріема, должнаго вниманія,—гдѣ не возліется муро умиленія на главу Христову, ни ноги пречистыя омоются слезами сокрушенія, ни сердце Спасово усладится лобзаніями любви?.. Тяжко мнѣ будетъ видѣть, когда кроткій Іисусъ будетъ безчестимъ грѣхами, распинаемъ беззаконіями и хулимъ нечестіемъ!.. Не прогнѣвается ли на меня грѣшнаго пастыря человѣколюбець Господь за такое неразумное помилованіе и не отвратитъ ли лица Своего отъ меня? Какъ послѣ этого буду дерзновенно воз-

вѣщать судъ и правду посреди церкви Божіей, когда такъ скоро прелагаю ихъ на милость и прошеніе? Какъ получу отъ такого человѣка неблагодарную плату за труды свои, когда знаю, что плата эта—плата грѣшника? Какъ явлюсь въ домъ его, буду прославлять имя Божіе, привѣтствовать духомъ любви, радостью спасенія,—когда знаю, что имя Божіе хулится его грѣховною жизнію, когда имѣю отеческое наставленіе: не встрѣчай веселымъ лицомъ того, кто ведетъ незаконную жизнь?.. И что возвѣщу Господеви моему, что представлю въ свое оправданіе? Пожалуюсь ли на немощь свою, на слабость и удобопреклонность души? Но это будетъ неправота моя предъ Господомъ, сдѣлка грѣховная съ своею совѣстію, уклоненіе отъ истины! Представлю ли бездну щедротъ Божіихъ и бездну грѣховъ человѣческихъ? Но не простираются лучи милосердія Божія въ нераскаянное сердце и тьма грѣховная не просвѣщается свѣтомъ благодати и мое излишнее сердоболіе будетъ не умѣстно!..

И на что рѣшится духъ пастыря? На что склонится его колеблющееся сердце? Возьметъ ли онъ въ образъ дѣйствія для себя высокій примѣръ неизреченнаго снисхожденія Самого Господа—вечерявшаго вмѣстѣ съ Иудею недостойнымъ и пріобщавшаго его вмѣстѣ съ другими учениками Пречистаго Своего Тѣла и Честныя Крови; или же послѣдуетъ Его премудрому гласу: „не дадите Святая псомъ“,—это дѣло уже его совѣсти, его самоличнаго рѣшенія, и Господь ему судья въ этомъ! Но безъ скорби, безъ смущенія, безъ сокрушенія, ни какъ не обойтись пастырю въ подобныхъ случаяхъ; и это есть самая трудная, самая обременительная обязанность всякаго пастыря, а вмѣстѣ и самая отвѣтственная предъ Богомъ!

Но и то надо не забывать: „яко у Господа милость и много у Него избавленіе и Той избавитъ избранное Свое стадо отъ всѣхъ незаконій и грѣховъ, за молитвы и покаяніе смиреннаго пастыря!“

Н. К.

ЗВѢЗДЫ ПУСТЫНИ.

Повѣсть, записанная Преподобнымъ Пафнутіемъ, египетскимъ пустынникомъ.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Пустыня!

„Ночь тиха. Пустыня внемлетъ Богу 1),

„И звѣзда съ звѣздою говоритъ.“

1) Лермонтовъ.

„Въ небесахъ торжественно и чудно!

„Спитъ земля въ сѣяньи голубомъ....

„Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно:

„Жду-ль чего? Жалѣю ли о чемъ?..

Ты помнишь ли, читатель дорогой, этотъ чудный аккордъ таинственныхъ голосовъ пустыни, залетѣвшій издалека легкимъ, замирающимъ вѣтеркомъ въ многошумный и многоболѣзненный мѣръ и благоуханнымъ дыханіемъ своимъ задѣвшій многострунную лиру поэта?.. Зазвенѣли чуткія струны, задрожали гармоническіе звуки, заговорила струна со струною, но болью печали и трудомъ безысходной тоски отозвалось сердце поэта на голоса пустыни; оно не угадало, оно не поняло призыва Божественной любви: пустыня человѣческаго сердца не вняла Тому, Кто есть любовь совершеннѣйшая; звѣзда разума не вмѣстила слова неба.

„Забыться!“ „Заснуть!“

„Чтобъ весь день, всю ночь мой слухъ летѣя,

„Про любовь мнѣ голосъ сладкій пѣлъ...

Любовь земли! Но можетъ ли она пѣть сладко, когда звукъ ея голоса, едва родится, уже ноетъ тоской утраты?.. Тоска, тоска!.. Ни отъ жизни ожиданий, ни къ прошлому сожалѣній!.. И больно, и трудно!.. „Заснуть!..“

А между тѣмъ:

„Въ часъ полночный близъ потока

„Ты взгляни на небеса:

„Совершаются далеко

„Въ горнемъ мѣрѣ чудеса.

„Ночи вѣчныя лампы,

„Невидимы въ блескѣ дня,

„Стройно ходятъ тамъ громады

„Негасимаго огня.

„Но впивайся въ нихъ очами—

„И увидишь, что вдали,

„За ближайшими звѣздами

„Тьмами звѣзды въ ночь ушли.

„Вновь взглядись—и тьмы за тьмами

„Утомятъ твой робкій взглядъ:

„Всѣ звѣздами, всѣ огнями

„Бездны синія горятъ.

„Въ часъ полночнаго молчанья,

„Отогнавъ обманы сновъ,

„Ты взглядись душой въ писанья

„Галилейскихъ рыбаковъ,—

„И въ объемѣ книги тѣсной

„Развернется предъ тобой

„Безконечный сводъ небесный

„Съ лучезарною красой.
 „Узришь—звѣзды мыслей водятъ
 „Тайный хоръ свой вкругъ земли;
 „Вновь взглядишь—другія всходятъ;
 „Вновь взглядишь: и тамъ вдали
 „Звѣзды мыслей тьмы за тьмами,
 „Всходятъ, всходятъ безъ числа...
 „И зажжется ихъ огнями
 „Сердца дремлющая мгла“¹⁾.

Дремлетъ мгла нашего сердца, усыпленная обманчивымъ призракомъ мечтательныхъ сновидѣній. Давай же, зажжемъ ее огнями небесныхъ звѣздъ: пойдемъ съ тобою въ пустыню, гдѣ „звѣзда съ звѣздою говоритъ“, прислушаемся къ ихъ таинственной немолчной бесѣдѣ въ безмолвіи пустынной ночи! Вѣка прошли, а пустыня все внемлетъ Богу: внемлемъ же Ему съ тобою и мы!

„Житіе и слава святыхъ свѣтомъ своимъ подобны звѣздамъ небеснымъ. Какъ звѣзды, хотя и утверждены онѣ на небѣ, но просвѣщаютъ всю вселенную, озаряютъ землю, свѣтятъ и морю, и кораблями плавающихъ управляютъ, видимыя и жителями Индіи и отъ Скиѳовъ не скрытыя. И хотя не знаемъ мы всѣхъ именъ ихъ изъ-за безчисленнаго ихъ множества, но дивимся красотѣ ихъ свѣтлой. Подобенъ имъ и свѣтъ святыхъ: хотя и скрыты въ гробахъ ихъ мощи, но силы ихъ въ поднебесной не ограничиваются земными предѣлами. Удивляемся ихъ житію, изумляемся и славѣ, которою прославляетъ Богъ угодившихъ Ему“²⁾.

„Перенесемъ же мыслію въ пустыню: тамъ увидите вы дивное и славное видѣніе. Очистимъ сердца свои, сдѣлаемъ голубиныя крылья и полетимъ, посмотримъ на жилища тѣхъ людей, которые оставили шумные города и имъ предпочли горы и пустыни. Пойдемъ, посмотримъ, какъ живутъ они подобно мертвецамъ въ гробахъ своихъ. Пойдемъ, посмотримъ на ихъ тѣла, одѣтыя власами. Пойдемъ, посмотримъ на ихъ рубища, въ которыхъ они радостно славятъ Бога. Пойдемъ, посмотримъ на ихъ питіе, растворенное умиленными слезами. Пойдемъ, посмотримъ на пищу ихъ, состоящую всегда изъ дикихъ растений. Пойдите, посмотрите на тѣ камни, которые они кладутъ подъ головы свои. Живутъ они въ пещерахъ и пропастяхъ земныхъ, какъ въ крѣпостяхъ. Окрестныя горы и холмы для нихъ высокія стѣны... Имъ нѣтъ покоя въ этомъ мірѣ, потому что они ожидаютъ себѣ покоя въ томъ. Они блуждаютъ со звѣрями; какъ птицы, летаютъ по горамъ. Но, блуждая по горамъ, они сіяютъ, какъ свѣтильники, и просвѣщаютъ свѣтомъ своимъ всѣхъ, съ

¹⁾ А. С. Хомяковъ. Стих. „Звѣзды“.

²⁾ Св. Симеонъ Метафрастъ. Житіе Преп. Ксенія (24 Января).

у сердцемъ приходящихъ къ нимъ... Царямъ скучно бываетъ въ чертогахъ, а имъ весело въ ихъ подземельяхъ. Носятъ власницу блаженные отцы, но радуются больше, чѣмъ носяшіе порфиру... Когда изнемогутъ, скитаясь по горамъ, ложатся на землѣ, какъ на мягкомъ ложѣ. Немного заснутъ и спѣшатъ встать, дабы пѣть хвалы возлюбленному ихъ Христу... Когда молятся они, стоя на колѣняхъ, изъ глазъ ихъ текутъ источники... Гдѣ достигнетъ ихъ вечеръ, тамъ и остаются; о могилахъ они не забоятся, ибо они уже мертвы, распявши себя міру изъ любви ко Христу. Гдѣ кто кончилъ постъ свой, тамъ для него и могила. Многіе изъ нихъ молились, повергнувшись на землю, и тихо почилы предъ Господомъ. Другіе, стоя на камняхъ, отдали души своему Владыкѣ... Теперь ожидаютъ они гласа, который разбудитъ ихъ, и тогда процвѣтутъ они, какъ цвѣты благовонные... Блаженны вы, всецѣло сохранившіе въ сердцахъ своихъ любовь ко Христу: войдите теперь въ тихое пристанище, насладитесь Христомъ, Котораго возлюбили!“ 1)...

Инокъ одного изъ Египетскихъ пустынножительныхъ монастырей, Преподобный Пафнугій, оставилъ по себѣ сказаніе, которое самъ же и изложилъ писменно: въ немъ онъ описалъ, какъ обрѣлъ онъ въ пустынѣ Преподобнаго Онуфрія Великаго и иныхъ пустынниковъ. Повѣствованіе свое сказатель его начинаетъ такъ:

(Продолженіе слѣдуетъ).

Невѣроятное для многихъ, но истинное происшествіе.

(Продолженіе).

IV.

Прошло не мало лѣтъ. Къ стыду моему долженъ сказать, что я мало измѣнился за истекшіе годы нравственно. Хотя я находился уже въ преполовеніи дней моихъ, то есть былъ уже чловѣкомъ среднихъ лѣтъ, но въ моихъ отношеніяхъ къ жизни и себѣ немного прибыло серіозности. Я не осмыслилъ жизни, какое то мудреное познаніе самого себя оставалось для меня такою же „химерическою“ выдумкой, какъ разсужденія метафизика въ извѣстной баснѣ того же имени, и я жилъ, водясь тѣми же грубоватыми, пустыми, интересами, тѣмъ же лживымъ и довольно таки низменнымъ пониманіемъ смысла жизни, какими живетъ большинство свѣтскихъ людей моей среды и образованія.

На той же точкѣ стояло и мое отношеніе къ религи, то есть я попрежнему не былъ ни атеистомъ, ни сколько нибудь осмысленно-набожнымъ чловѣкомъ. Я, какъ и прежде, ходилъ по привычкѣ изрѣдка въ церковь, по привычкѣ говѣлъ разъ въ

1) Пр. Ефрема Сиринна „Похвальное слово подвижникамъ“.

годъ, по привычкѣ крестился, когда полагалось—и этимъ ограничивалось все. Никакими вопросами религіи я не интересовался и даже не понималъ, что тамъ можно чѣмъ нибудь интересоваться; кромѣ, конечно, самыхъ элементарныхъ, азбучныхъ понятій, я ничего не зналъ здѣсь, но мнѣ казалось, что я отлично знаю и понимаю все и что все тутъ такъ просто, „не хитро“, что „образованному“ человѣку не надъ чѣмъ и голову трудить. Наивность уморительная, но, къ сожалѣнію, очень свойственная „образованнымъ“ людямъ нашего вѣка.

Само собою разумѣется, что, при наличности такихъ данныхъ, ни о какомъ прогрессированіи моего религіознаго чувства, ни о расширеніи круга моихъ познаній въ этой области не могло быть и рѣчи.

V.

И вотъ въ эту пору случилось мнѣ попасть по дѣламъ службы въ К. и заболѣть серьезно.

Такъ какъ ни родныхъ, ни даже своей прислуги въ К. у меня не было, то и пришлось лечь въ больницу. Доктора опредѣлили у меня воспаленіе легкихъ.

Въ первое время я чувствовалъ себя настолько порядочно, что не разъ даже думалъ, что изъ-за такого пустяка не стоило и ложиться въ больницу; но по мѣрѣ того, какъ болѣзнь развивалась и температура стала быстро подниматься, я понялъ, что съ такимъ „пустякомъ“ вовсе было бы не интересно валяться одному-одинешеньку въ номерѣ гостинницы.

Въ особенности донимали меня въ больницѣ длинныя зимнія ночи; жаръ совсѣмъ не давалъ спать, иногда даже и лежать было нельзя, а сидѣть въ койкѣ и неловко, и утомительно: встать и походить по палатѣ—не хочется, не то неможется; и такъ вертишься, вертишься въ кровати, то ляжешь, то сядешь, то спустишь ноги, то сейчасъ же опять ихъ подберешь, и все прислушиваешься: да когда же это часы будутъ бить! Ждешь, ждешь, а они словно на зло, пробьютъ два или три, стало быть, до разсвѣта оставалась еще цѣлая вѣчность. И какъ удручающе дѣйствуетъ на больного этотъ общій сонъ и ночная тишина! Словно живой попалъ на кладбище въ общество мертвецовъ.

По мѣрѣ того, какъ дѣло подвигалось къ кризису, мнѣ, конечно, становилось все хуже и труднѣе, по временамъ начало такъ прихватывать, что ужъ было ни до чего, и я томительности безконечныхъ ночей не замѣчалъ. Но не знаю, чему слѣдовало приписать это: тому ли, что я всегда былъ и считалъ себя человѣкомъ очень крѣпкимъ и здоровымъ, или происходило это отъ того, что до этого времени я ни разу не болѣлъ серьезно и головѣ моей чужды были тѣ печальныя мысли, какія навѣваютъ иногда тяжелыя болѣзни,—только, какъ ни скверно бы-

вало подчасъ мое самочувствіе, какъ ни круты бывали въ инныя минуты приступы моей болѣзни, мысль о смерти ни разу не пришла мнѣ въ голову.

Я съ увѣренностію ожидалъ, что не сегодня—завтра долженъ наступить поворотъ къ лучшему и нетерпѣливо спрашивалъ всякій разъ, когда у меня вынимали градусникъ изъ-подъ руки, какова у меня температура. Но, достигнувъ извѣстной высоты, она словно замерла на одной точкѣ, и на мой вопросъ я постоянно слышалъ въ отвѣтъ: „сорокъ и девять десятыхъ“, „сорокъ одинъ“, „сорокъ и восемь десятыхъ“.

— Ахъ, какая же это длинная канитель! съ досадою говорилъ я, и затѣмъ спрашивалъ у доктора, неужели же и мое поправленіе будетъ идти такимъ же черепашьимъ шагомъ?

Видя мое нетерпѣніе, докторъ утѣшалъ меня и говорилъ, что въ мои годы и съ моимъ здоровьемъ нечего бояться, что выздоровленіе не затянется, что при такихъ выгодныхъ условіяхъ послѣ всякой болѣзни можно оправиться чуть не въ нѣсколько дней.

Я вполне вѣрилъ этому и подкрѣплялъ свое терпѣніе мыслию, что остается только какъ нибудь дождаться кризиса, а тамъ все сразу какъ рукой сниметъ.

VI.

Въ одну ночь мнѣ было особенно плохо; я метался отъ жара, и дыханіе было крайне затруднено, но къ утру мнѣ вдругъ сдѣлалось легче настолько, что я могъ даже заснуть. Проснувшись, первою моею мыслию, при воспоминаніи о ночныхъ страданіяхъ, было:

„Вотъ это, вѣроятно, и былъ переломъ. Авось ужъ теперь конецъ и этимъ придушиваніямъ, и этому несносному жару“.

И увидавъ входившаго въ сосѣдную палату молоденькаго фельдшера, я позвалъ его и попросилъ поставить мнѣ градусникъ.

— Ну, баринъ, теперь дѣло на поправку пошло,—весело проговорилъ онъ, вынимая чрезъ положенное время градусникъ,—температура у васъ нормальная.

— Неужели? радостно спросилъ я.

— Вотъ извольте посмотрѣть: тридцать семь и одна десятая. Да и кашель васъ, кажется, не такъ беспокоилъ.

Я только тутъ спохватился, что я действительно съ половины ночи совсѣмъ не кашляю и за все утро, хотя и шевелился и выпилъ нѣсколько глотковъ горячаго чая, тоже ни разу не кашлянулъ.

Въ девять часовъ пришелъ докторъ. Я сообщилъ ему что ночью мнѣ было нехорошо и высказалъ предположеніе, что вѣроятно, это былъ кризисъ, но что теперь я чувствую себя недурно и передъ утромъ могъ даже заснуть нѣсколько часовъ.

— Вотъ это и отлично, проговорилъ онъ и подошелъ къ столу просмотрѣть лежавшія на немъ какія то таблички или списки.

— Градусникъ прикажете ставить? спросилъ у него въ это время фельдшеръ.—Температура у нихъ нормальная.

— Какъ нормальная? быстро поднялъ голову отъ стола и съ недоумѣніемъ глядя на фельдшера, спросилъ докторъ.

— Такъ точно, я сейчасъ смотрѣлъ.

Докторъ велѣлъ вновь поставить градусникъ и даже самъ посмотрѣлъ, правильно ли онъ поставленъ.

Но на этотъ разъ градусникъ не дотянулъ и до тридцати семи: оказалось тридцать семь безъ двухъ десятыхъ.

Докторъ досталъ изъ бокового кармана сюртука свой градусникъ, встряхнулъ повертѣлъ его въ рукахъ, очевидно удостоверяясь въ его исправности, и поставилъ мнѣ.

Второй показалъ то же, что и первый.

Къ моему удивленію, докторъ не выразилъ ни малѣйшей радости по поводу этого обстоятельства, не сдѣлалъ даже, ну, хоть бы изъ приличія, сколько нибудь веселой мины и, повертѣвшись какъ-то суетливо и безтолково у стола, вышелъ изъ палаты, и черезъ минуту я услышалъ, что въ кабинетѣ зазвенѣлъ телефонъ.

VII.

Вскорѣ явился старшій врачъ; они вдвоемъ выслушали, осмотрѣли меня—и велѣли чуть не всю мою спину облѣпить мушками; затѣмъ, прописавъ микстуру, они не сдали мой рецептъ съ прочими, но послали отдѣльно съ нимъ фельдшера въ аптеку, очевидно, съ приказаніемъ приготовить его не въ очередь.

— Послушайте, чего это вы вздумали теперь то, когда я чувствую себя совсѣмъ не плохо, жечь меня мушками?—спросилъ я у старшаго доктора.

Мнѣ показалось, будто доктора смутилъ или раздосадовалъ мой вопросъ, и онъ нетерпѣливо отвѣтилъ:

— Ахъ, Боже мой! Да нельзя же васъ бросить ужъ сразу безо всякой помощи, на произволь болѣзни, потому, что вы чувствуете себя нѣсколько лучше! Надо же повытянуть изъ васъ всю ту дрянь, что накопилась тамъ за это время.

Часа черезъ три младшій докторъ снова заглянулъ ко мнѣ; онъ посмотрѣлъ въ какомъ состояніи были поставленыя мнѣ мушки, спросилъ, сколько успѣлъ я принять ложекъ микстуры. Я сказалъ—три.

-- Кашляли вы?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я.

— Ни разу?

— Ни разу.

— Скажите, пожалуйста, обратился я, по уходѣ врача, къ вертѣвшемуся почти не отлучно въ моей палатѣ фельдшеру:— какая мерзость наболтана въ этой микстурѣ? Меня тошнить отъ нея.

— Тутъ разныя отхаркивающія средства, немножко и ипекакуаны есть, пояснилъ онъ.

Я въ данномъ случаѣ поступилъ какъ разъ такъ, какъ зачастую поступаютъ нынѣшніе отрицатели въ вопросахъ религіи, то-есть, ровно ничего не понимая изъ происходящаго, а мысленно осудилъ и укорилъ въ непониманіи дѣла докторовъ: дали молъ отхаркивающее, когда мнѣ и выхаркивать нечего.

VIII.

Между тѣмъ, спустя часа полтора или два послѣ послѣдняго посѣщенія докторовъ, ко мнѣ въ палату снова явилось ихъ цѣлыхъ три: два нашихъ и третій какой-то важный и осанистый чужой. Долго они выстукивали и выслушивали меня; появился и мѣшокъ съ кислородомъ. Послѣднее нѣсколько удивило меня.

— Теперь-то къ чему же это? спросилъ я.

— Да надо же профильтровать немножко ваши легкія. Вѣдь онѣ небось чуть не испеклись у васъ, проговорилъ чужой докторъ.

— А скажите, докторъ, чѣмъ это такъ плѣнила васъ моя спина, что вы такъ хлопчете надъ нею? Вотъ ужъ въ третій разъ за утро выстукиваете ее, мушками всю расписали.

Я чувствовалъ себя настолько лучше, сравнительно съ предыдущими днями, и поэтому такъ далекъ былъ мыслью отъ всего печальнаго, что никакія аксесуары, должно быть, не способны были навести меня на догадки о моемъ дѣйствительномъ положеніи; даже появленіе важнаго чужаго доктора я объяснилъ себѣ какъ ревизію или что нибудь въ этомъ родѣ, никакъ не подозревая, чтобъ онъ вызванъ былъ специально для меня, чтобы мое положеніе требовало консилиума. Послѣдній вопросъ я задалъ такимъ непринужденнымъ и веселымъ тономъ, что, вѣроятно, ни у кого изъ моихъ врачей не хватило духу, хотя намекомъ дать понять мнѣ надвигавшуюся катастрофу. Да и правда, какъ сказать человѣку, полному радостныхъ надеждъ, что ему, быть можетъ остается всего нѣсколько часовъ жить!

— Теперь-то и надо похлопотать около васъ, неопредѣленно отвѣтилъ мнѣ докторъ.

Но я и этотъ отвѣтъ понялъ въ желаемомъ смыслѣ, то-есть, что теперь, когда наступилъ переломъ, когда сила недуга ослабѣваетъ, вѣроятно и должно и удобнѣе приложить всѣ средства, чтобъ окончательно выдворить болѣзнь и помочь возстановиться всему, что было поражено ею.

Помню часовъ около четырехъ я почувствовалъ какъ бы легкій ознобъ и, желая согрѣться, плотно увернулся въ одѣяло и легъ было въ постель, но мнѣ вдругъ сдѣлалось очень дурно.

Я позвалъ фельдшера; онъ подошелъ, поднялъ меня съ подушки и подалъ мѣшокъ съ кислородомъ. Гдѣ-то прозвенѣлъ звонокъ, и чрезъ нѣсколько минутъ въ мою палату торопливо вошелъ старшій фельдшеръ, а затѣмъ, одинъ за другимъ, и оба наши врача.

Въ другое время такое необычайное сборище всего медицинскаго персонала и быстрота, съ какою собрался онъ, несомнѣнно, удивили и смутили бы меня, но теперь я отнесся къ этому совершенно равнодушно, словно оно и не касалось меня.

Странная перемена произошла вдругъ въ моемъ настроеніи! За минуту передъ тѣмъ жизнерадостный, я теперь, хотя и видѣлъ и отлично понималъ все, что происходило вокругъ меня, но ко всему этому у меня вдругъ явилась такая непостижимая безучастность, такая отчужденность, какая, думается, совсѣмъ даже и не свойственна живому существу.

Все мое вниманіе сосредоточилось на мнѣ же самомъ, но и здѣсь была удивительно своеобразная особенность, какая-то раздвоенность: я вполне ясно и опредѣленно чувствовалъ и сознавалъ себя и въ то же время относился къ себѣ же настолько безучастно, что, казалось, будто даже утерять способность физическихъ ощущеній.

Я видѣлъ, напримѣръ, какъ докторъ протягивалъ руку и бралъ меня за пульсъ—я и видѣлъ, и понималъ, что онъ дѣлалъ, но прикосновенія его не чувствовалъ. Я видѣлъ и понималъ, что доктора, приподнявъ меня, все что то дѣлали и хлопотали надъ моей спиною, съ которой, вѣроятно, начался у меня отекъ, но что дѣлали они—я ничего не чувствовалъ, и не потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ лишился способности ощущать, но потому, что меня нисколько не интересовало это, потому что, уйдя куда-то глубоко внутрь себя, я не прислушивался и не слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлали они со мной.

Во мнѣ какъ бы вдругъ обнаружались два существа: одно—кряхтевшее гдѣ-то глубоко и главнѣйшее; другое—виѣшнее и, очевидно, менѣе значительное; и вотъ теперь словно связывавшій ихъ составъ выгорѣлъ или расплавился, и онѣ распались, и сильнѣйшее чувствовалось мною ярко, опредѣленно, а слабѣйшее стало безразличнымъ. Это слабѣйшее было мое тѣло.

Могу представить себѣ, какъ, быть можетъ, всего нѣсколько дней тому назадъ, былъ бы пораженъ я открытіемъ въ себѣ этого невѣдомаго мною дотолѣ, внутренняго моего существа и

сознаніемъ его превосходства надъ тою, другою моею половиной, которая по моимъ понятіямъ и составляла всего человѣка, но которой теперь я почти и не замѣчалъ.

Удивительно было это состояніе: жить, видѣть, слышать; понимать все, и въ то же время какъ бы и не видѣть, и не понимать ничего, такую чувствовать ко всему отчужденность.

X.

Вотъ докторъ задалъ мнѣ вопросъ; я слышу и понимаю, что онъ спрашиваетъ, но отвѣта не даю, не даю потому, что мнѣ не зачѣмъ говорить съ нимъ. А вѣдь онъ хлопочетъ и беспокоится обо мнѣ же, но о той половинѣ моего я, которая утратила теперь всякое значеніе для меня, до которой мнѣ нѣтъ никакого дѣла.

Но вдругъ она заявила о себѣ, и какъ рѣзко и необычайно заявила!

Я вдругъ почувствовалъ, что меня съ неудержимою силой потянуло куда-то внизъ. Въ первыя минуты это ощущеніе было похоже на то, какъ бы ко всѣмъ членамъ моимъ подвѣсили тяжелыя многопудовыя гири, но вскорѣ такое сравненіе не могло уже выразить моего ощущенія: представленіе такой тяги оказывалось уже ничтожнымъ.

Нѣтъ, тутъ дѣйствовалъ какой то ужасающей силы законъ притяженія.

Мнѣ казалось, что не только всего меня, но каждый мой членъ, каждый волосокъ, тончайшую жилку, каждую клѣточку моего тѣла въ отдѣльности тянетъ куда то съ такою же неотразимостью, какъ сильно дѣйствующій магнитъ притягиваетъ къ себѣ куски металла.

И, однако, какъ ни сильно было это ощущеніе, оно не препятствовало мнѣ думать и сознать все; я сознатель и странность самого этого явленія, помнилъ и сознатель дѣйствительность, то-есть, что я лежу на койкѣ, что палата моя во второмъ этажѣ, что подо мною такая же комната; но въ то же время, по силѣ ощущенія, я былъ увѣренъ, что, будь подо мною не одна, а десять нагроможденныхъ одна на другую комнатъ, все это мгновенно разступится предо мною, чтобы пропустить меня.. куда?

Куда-то дальше, глубже, въ землю.

Да, именно въ землю, и мнѣ захотѣлось лечь хоть на полъ и я сдѣлалъ усиліе и заметался.

XI.

— Агонія, услышалъ я произнесенное надо мною докторомъ слово.

Такъ какъ я не говорилъ, и взглядъ мой, какъ сосредоточеннаго въ самомъ себѣ человѣка, должно быть, выражалъ полную къ окружающему безучастность, то доктора, вѣроятно, порѣшили, что я нахожусь въ безсознательномъ состояніи и говорили обо мнѣ надо мною уже не стѣсняясь. А между тѣмъ я не только отлично понималъ все, но не могъ не мыслить и въ извѣстной сферѣ не наблюдать.

„Агонія! смерть!“ подумалъ я, услыхавъ слова доктора. „Да неужели же я умираю?“ обращаясь къ самому себѣ, громко проговорилъ я; но какъ? почему? объяснить этого не могу.

Мнѣ вдругъ вспомнилось когда-то давно прочитанное мною разсужденіе ученыхъ о томъ, болѣзненна ли смерть, и, закрывъ глаза, я прислушался къ себѣ къ тому, что происходило во мнѣ.

Нѣтъ, физическихъ болей я не чувствовалъ никакихъ, но я, несомнѣнно, страдалъ, мнѣ было тяжело, томно. Отъ чего же это? Я зналъ, отъ какой болѣзни я умираю; что же, душилъ ли меня отекъ или онъ стѣснилъ дѣятельность сердца и оно томило меня? Не знаю, быть можетъ, таково было опредѣленіе наступавшей смерти по понятіямъ тѣхъ людей, того міра, который былъ теперь такъ чуждъ и далекъ для меня, я же чувствовалъ только то непреодолимое стремленіе куда то, тяготѣніе къ чему-то, о которомъ говорилъ выше.

И я чувствовалъ, что тяготѣніе это съ каждымъ мгновеніемъ усиливается, что я ужъ вотъ-вотъ совсѣмъ ближе подхожу, почти касаюсь того влекущаго меня магнита, прикоснувшись къ которому, я всѣмъ моимъ естествомъ припаюсь, сrustусь съ нимъ такъ, что ужъ никакая сила не въ состояніи будетъ отдѣлить меня отъ него. И чѣмъ сильнѣе чувствовалъ я близость этого момента, тѣмъ страшнѣе и тяжелѣе становилось мнѣ, потому что вмѣстѣ съ этимъ ярче обнаруживался во мнѣ протестъ, яснѣе чувствовалъ, что весь я не могу слиться, что что-то должно отдѣлиться во мнѣ, и это что-то рвалось отъ невѣдомаго мнѣ предмета притяженія съ такою же силой, съ какою что-то другое во мнѣ стремилось къ нему. Эта борьба и причиняла мнѣ истому, страданія.

ХII.

Значеніе услышаннаго мною слова „агонія“ было вполне понятно для меня, но все во мнѣ какъ то перевернулось теперь, отъ моихъ отношеній, чувствъ и до понятій включительно.

Несомнѣнно, еслибы я слышалъ это слово хотя тогда, когда трое докторовъ выслушивало меня, я былъ бы невыразимо испуганъ имъ. Несомнѣнно также, что, не случись со мною такого

страннаго переворота, оставайся я въ обычномъ состояніи больного человѣка; я и въ данную минуту, зная, что наступаетъ смерть, понималъ бы и объяснялъ бы все происходящее со мною иначе; но теперь слова доктора только удивили меня, не вызвавъ того страха, какой вообще присущъ людямъ при мысли о смерти, и далъ совсѣмъ неожиданное, въ сопоставленіи съ моими прежними понятіями, толкованіе тому состоянію, какое испытывалъ я.

„Такъ вотъ что! Это она, земля, такъ тянетъ меня“, вдругъ ясно выплыло въ моей головѣ. „То есть не меня, а то свое, что на время дала мнѣ. И она ли тянетъ или оно стремится къней“?..

И то что прежде казалось мнѣ столь естественнымъ и достойнымъ то-есть, что весь я по смерти разсыплюсь въ прахъ, теперь явилось для меня противоестественнымъ и невозможнымъ.

„Нѣтъ, весь я не уйду, не могу“, чуть ли не громко крикнулъ я, и сдѣлалъ усиліе освободиться, вырваться отъ той силы, что влекла меня, и вдругъ почувствовалъ, что мнѣ стало легко.

Я открылъ глаза, и въ моей памяти съ совершенною ясностью до малѣйшихъ подробностей запечатлѣлось все, что увидалъ я въ ту минуту.

Я увидѣлъ, что стою одинъ посреди комнаты; вправо отъ меня, обступивъ что-то полукругомъ, столпился весь медицинскій персоналъ: заложивъ руки на спину и пристально глядя на что-то, чего мнѣ за ихъ фигурами не было видно, стоялъ старшій врачъ, подлѣ него, слегка наклонившись впередъ—младшій старикъ фельдшеръ, держа въ рукахъ мѣшокъ съ кислородомъ, нерѣшительно переминался съ ноги на ногу, повидимому, не зная что дѣлать ему теперь со своею ношей, отнести ли ее, или она можетъ еще понадобится; а молодой, нагнувшись поддерживать что-то, но мнѣ изъ-за его плеча видѣнъ былъ только уголъ подушки.

Меня удивила эта группа: на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла она, была койка, что же теперь привлекало тамъ вниманіе этихъ людей, на что смотрѣли они, когда меня ужъ тамъ не было, когда я стоялъ посреди комнаты?

Я подвинулся и глянулъ туда, куда глядѣли всѣ они:

Тамъ на койкѣ лежалъ я.

(Продолженіе слѣдуетъ).